

В своих беседах Ошо рассказывает о том, как жить радостной, счастливой жизнью день за днем, и призывает по-новому взглянуть на то, что такое радость в жизни человека.

В обществе, мораль которого основана на неизбежности страдания, он говорит: «Мой подход — для тех, кто действительно дерзает, кто готов поставить на карту все, для сорвиголов, которые готовы изменить весь свой образ жизни».

Для широкого круга читателей.

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо).

Радость. Счастье, которое приходит изнутри

Позвольте мне сначала рассказать вам небольшой анекдот.

— *Мой доктор настоял, чтобы я к вам пришел, — сказал пациент психиатру. — Бог его знает, почему: я счастлив в браке, у меня стабильная работа, много друзей, никаких забот...*

— *Гм-м, — сказал психиатр и протянул руку за записной книжкой. — И давно это у вас?*

[Читать полный вариант книги](#)

В счастье невозможно поверить. Кажется, человек не может быть счастливым. Если говорить о депрессии, грусти, несчастье, поверят все — это кажется естественным. Но если говорить о счастье, вам никто не поверит — оно кажется неестественным.

Зигмунд Фрейд сорок лет исследовал человеческий ум — работая с тысячами людей, наблюдая тысячи умов с нарушениями — и пришел к заключению, что счастье является вымыслом: человек не может быть счастливым. Самое большее, мы можем сделать жизнь немного более комфортной, вот и все. Самое большее, мы можем сделать так, чтобы несчастья стало немного меньше, вот и все — но счастье? Такого с человеком не бывает.

Выглядит очень пессимистичным... но, если посмотреть на человечество, кажется, все точно так и есть, что это факт. Несчастливы только человеческие существа. Где-то глубоко внутри у них что-то не в порядке.

Но я вам говорю, опираясь на собственный опыт: человеческие существа *могут* быть счастливыми, могут быть счастливее птиц, могут быть счастливее деревьев, могут быть счастливее звезд — потому что человеческие существа обладают чем-то таким, чего нет ни у одного дерева, ни у одной птицы, ни у одной звезды. Они обладают сознанием.

Но, если есть сознание, возможны две альтернативы: вы можете стать или счастливыми, или несчастливыми. Это ваш выбор. Деревья счастливы просто потому, что не могут быть несчастливыми. Их счастье — это не их свобода; им *приходится* быть счастливыми. Они не умеют быть несчастливыми; у них нет никакой другой альтернативы. Птицы, щебечущие в ветвях деревьев, счастливы не потому, что решили быть счастливыми, — они счастливы просто потому, что не умеют жить никак по-другому. Их счастье бессознательно; оно просто в их природе.

Человеческие существа могут быть безмерно счастливы и безмерно несчастны — и они свободны в выборе. Эта свобода таит опасность, эта свобода очень трудна, потому что ответственность ложится на вас. И с этой свободой что-то случилось, что-то пошло не так. Каким-то образом человек оказался перевернутым вверх ногами.

Люди ищут медитацию. Медитация нужна лишь потому, что вы не выбрали быть счастливыми. Если бы вы выбрали быть счастливыми, ни в какой медитации не было бы надобности. Медитация выполняет лечебную функцию: если вы больны, тогда необходимо лекарство. Но как только вы решили, что начнете выбирать счастье, как только вы решили быть счастливыми, никакой медитации больше не нужно. Тогда медитация начинает происходить сама собой.

В мире так много религий потому, что так много несчастливых людей. Счастливый человек не нуждается, ни в какой религии. *Счастливому человеку не нужен никакой храм, никакая церковь — потому что для счастливого человека все существование становится храмом, все существование становится церковью.* Счастливый человек не совершает ничего подобного

религиозной деятельности, потому что религиозна вся его жизнь. Что бы вы ни делали в счастье, это молитва — поклонением становится ваша работа; в самом вашем дыхании появляется насыщенное благородство, грация.

Счастье случается, когда вы сонастроены со своей жизнью, сонастроены так гармонично, чтобы все, что бы вы ни делали, было в радость. Тогда внезапно вы узнаете, что медитация следует за вами. Если вы любите работу, которую делаете, если вы любите то, как вы живете, значит, вы медитативны. Тогда ничто вас не отвлекает. Если вас что-то отвлекает, это просто показывает, что то, чем вы заняты, на самом деле вам не интересно.

Учитель все время говорит маленьким детям: «Сосредоточьте внимание на мне! Будьте внимательны!» Они *и есть* внимательны — но только к чему-то другому. За стенами школы поет птица, поет от всего сердца, и ребенок внимателен к этой птице. Никто не может сказать, что он не внимателен, никто не может сказать, что он не медитативен, никто не может сказать, что он не пребывает в глубоком сосредоточении, — это так и есть! По сути дела, он совершенно забыл об учителе и арифметике, которой учитель исписывает доску. Ребенок совершенно слеп к этому всему, он целиком поглощен птицей и ее песней. Но учитель говорит: «Будь внимателен! Что ты делаешь? Не отвлекайся!»

По сути, это сам учитель отвлекает ребенка! Ребенок *и есть* внимательность — это происходит естественно. Слушая птицу, он счастлив. Учитель его отвлекает, учитель говорит: «Ты сейчас невнимателен» — учитель просто лжет! Ребенок *был* внимателен. Птица была для него более привлекательной, — что он может сделать? Учитель не так привлекателен, арифметика не так интересна.

Мы живем на земле не для того, чтобы быть математиками. Есть некоторые дети, которых эта птица не интересует: может быть, птица поет все громче, а все их внимание остается на доске. Значит, арифметика — для них. Значит, у них появляется медитация, естественное медитативное состояние, когда дело касается математики.

Нас завлекают в неестественные заботы: деньги, престиж, власть. Слушание птиц никогда не принесет вам денег. Если вы будете слушать птиц, это не даст вам власти, престижа. Если вы будете наблюдать за бабочкой, это не поможет вам экономически, политически, социально. Эти вещи не выгодны — но эти вещи делают вас счастливыми.

Настоящее человеческое существо набирается храбрости, чтобы двигаться в те вещи, которые делают его счастливым. И если этот человек остается бедным, он остается бедным; у него нет никаких жалоб, он этим не возмущается. Он говорит: «Я выбрал свой путь — я выбрал птицу, бабочек и цветы. Я не могу быть богатым, и ладно! Я богат, потому что счастлив». Но человеческие существа остаются перевернутыми вверх ногами.

Я прочитал:

Старый Тед просидел на берегу реки несколько часов, и во рту у него не было маковой росинки. От соединенного действия нескольких бутылок пива и жаркого солнца он начал кивать головой, и когда проворная рыбка попала на крючок, дернула за леску и разбудила его, он был к этому совершенно не готов. Застигнутый врасплох, прежде чем он смог прийти в себя, он оказался в реке.

Маленький мальчик с интересом наблюдал происходящее. Глядя, как человек барахтается в воде, пытаясь выбраться на берег, он обернулся к отцу и спросил: — Папа, это человек ловит рыбу или рыба ловит человека?

Человек оказался абсолютно перевернутым вверх ногами. Рыба ловит и вытаскивает вас, не вы ловите рыбу. Каждый раз, когда вы видите деньги, вы перестаете быть собой. Каждый раз,

когда вы видите власть, престиж, вы перестаете быть собой. Каждый раз, когда вы видите респектабельность, вы перестаете быть собой. Тут же вы забываете обо всем — вы забываете внутренние ценности своей жизни, своего счастья, своей радости, своего восторга. Вы всегда выбираете нечто от внешнего и промениваете на это нечто от внутреннего. Вы выигрываете снаружи и теряете внутри.

Но что вы собираетесь с этим делать? *Даже если вы получите весь мир, и он будет у ваших ног, но потеряете себя; даже если вы завоюете все богатства мира, но потеряете при этом свое внутреннее сокровище, что вы будете делать с этими богатствами? Это будет страданием.*

Если вы сможете научиться одной вещи... и эта одна вещь — быть бдительным, осознавать собственные внутренние мотивы, собственное внутреннее предназначение... Никогда не теряйте этого из виду, иначе вы будете несчастными. А когда вы несчастны, люди говорят: «Медитируй, и ты будешь счастливым». Они говорят: «Молись, и ты станешь счастливым; иди в храм, будь религиозным, будь христианином или индуистом, и ты будешь счастливым». Все это вздор. Будь счастливым, и медитация придет сама. Будь счастливым, и религиозность придет сама. Счастье — вот основное условие.

Но люди становятся религиозными, только когда они несчастны, — и тогда их религия фальшива. Попробуйте понять, почему вы несчастливы. Ко мне приходят многие люди, и они говорят, что несчастливы, и они хотят, чтобы я им дал какую-то медитацию. Я им говорю, что первое и основное, что следует понять, — это почему вы несчастливы. Если вы не устраните этих основных причин своего несчастья, то можете медитировать сколько угодно, но это не окажет большой помощи — потому что основные причины останутся в прежнем виде.

Может быть, какая-то женщина могла быть прекрасной танцовщицей, а она сидит в офисе, нагромождая груды бумаг. Танцевать нет никакой возможности. Кто-то, может быть, наслаждался бы, танцуя под звездами, но он просто наращивает счет в банке. И эти люди говорят, что они несчастливы: «Дай нам какую-нибудь медитацию, чтобы мы ее выполняли». Я могу ее дать — но чего они добьются этой медитацией? Что она должна для них сделать? Они останутся прежними людьми, накапливающими деньги, соревнующимися на рынке.

Медитация может помочь лишь в том, чтобы они пришли в некоторое расслабление и смогли заниматься всей этой ерундой немного лучше.

Вы можете повторять мантру, вы можете выполнять определенную медитацию; это может так или иначе немного вам помочь — но помочь лишь в том, чтобы оставаться на прежнем месте, где бы вы ни были. Это не трансформация.

Итак, мой подход — для тех, кто действительно дерзает, для сорвиголов, которые готовы изменить самый свой образ жизни, кто готов поставить на карту все — потому что, по сути, *вам нечего поставить на карту; лишь свое несчастье, свое страдание. Но люди цепляются даже за это.*

Я слышал:

В далеком военном лагере отряд новобранцев только что вернулся к месту расквартировки после бесконечного марша под палящим солнцем.

— Что это за жизнь! — сказал один из новых солдат. — Много миль до всего живого, сержант, который считает себя королем Атиллой, ни женщин, ни выпивки, ни увольнения — и кроме всего прочего, мои ботинки на два размера меньше, чем надо.

— Тебе необязательно это терпеть, приятель, — сказал его сосед. — Почему бы тебе, не выписать себе другую пару?

— Вряд ли я это сделаю. Снимать их — единственное мое удовольствие!

Что еще вам поставить на карту? Только свое несчастье. Единственное удовольствие, которое у вас есть, — это говорить о нем. Посмотрите на людей, рассказывающих о своих несчастьях, — какими они становятся счастливыми! Они за это платят; они идут к психоаналитикам, чтобы говорить о своих несчастьях, — и платят за это! Кто-то внимательно их слушает, и они счастливы.

Люди постоянно говорят о своих несчастьях, говорят снова и снова. Они их даже преувеличивают, приукрашивают, стараются, чтобы они выглядели как можно больше. В их изложении они разрастаются далеко за пределы натуральной величины. Почему? Вам нечего — кроме своего страдания — поставить на карту, но люди цепляются за известное, за знакомое. Несчастье — вот все, что они знают; это вся их жизнь. Им терять нечего, но они так боятся это потерять.

Насколько я вижу, важнее всего счастье, важнее всего радость. Важнее всего празднующий подход. Важнее всего жизнеутверждающая философия. Наслаждайтесь! Если вы не можете наслаждаться своей работой, измените ее. Не медлите! — потому что все время, пока вы ждете, вы ждете Годо, а Годо никогда не придет. Человек просто ждет и тратит жизнь впустую. Кого вы ждете, ради чего?

Если вы понимаете суть... если при определенном образе жизни вы несчастны, все старые традиции скажут, что неправильны *вы*, — а я хотел бы сказать, что неправилен этот *образ жизни*. Попробуйте понять различие в акцентах. Неправильны не вы, неправилен только ваш образ жизни, то, как вы научились жить, — неправильно. Мотивации, которым вы научились и которые приняли, как собственные, не ваши — они не осуществляют ваше предназначение. Они идут против вашей природы, они идут против вашей стихии.

Помните это: никто другой не может решать за вас. Все чужие заповеди, все приказы, все морали только искалечат вас. Вы должны решать за себя сами, вы должны взять свою жизнь в собственные руки. Иначе жизнь будет продолжать стучаться в двери, а вас никогда не будет дома — вы всегда будете где-то в другом месте.

Если вы должны были быть танцором, жизнь приходит через эту дверь, потому что жизнь думает, что, наверное, к этому времени вы уже стали танцором. Она стучится в эту дверь, но вас там нет — вы банкир. Как можно ожидать от жизни, чтобы она узнала, что вы станете банкиром? Жизнь приходит к вам со стороны того, кем хотела сделать вас природа; она знает только этот адрес — но вас никогда нельзя там застать, вы где-то в другом месте, прячетесь за чьей-то чужой маской, в чьей-то чужой одежде, под чьим-то чужим именем. Существование непрестанно вас ищет. Оно знает ваше имя, но вы это имя забыли. Оно знает ваш адрес, но вы никогда не жили по этому адресу. Вы позволили миру увести себя в сторону.

— Прошлой ночью мне приснился сон, будто я ребенок, — рассказывал Джо Элу, — и у меня есть абонемент в Диснейленд, и я могу бесплатно кататься на всех аттракционах. Боже мой, как я повеселился! Я даже не мог выбрать, на какой пойти аттракцион, и перепробовал их все.

— Интересно, — заметил его друг. — Мне тоже прошлой ночью приснился очень яркий сон. Мне приснилось, что ко мне в дверь постучалась великолепная блондинка и ошеломила меня своим желанием. И не успели мы начать, как снова раздался стук в дверь, и вошла потрясающая брюнетка, и она тоже хотела быть со мной!

— Вот это да! — перебил Джо. — Боже мой, если бы только там был я! Почему ты мне не позвонил?

— Я звонил, — ответил Эл, — но твоя мать мне сказала, что ты в Диснейленде.

Ваше предназначение может вас найти только одним путем, и этот путь — в вашем внутреннем цветении, в том, каким хочет вас видеть существование. Пока вы не найдете собственной спонтанности, пока вы не найдете своей стихии, вы не можете быть счастливыми. А если вы не можете быть счастливыми, то не сможете и медитировать.

Почему в умах людей возникает идея, что медитация приносит счастье? По сути, каждый раз, когда им встречается счастливый человек, они всегда находят медитативный ум — эти две вещи начинают ассоциироваться. Каждый раз, когда они видят, что человека окружает красивая, медитативная атмосфера, то всегда оказывается, что этот человек безгранично счастлив — вибрирует блаженством, сияет. Эти вещи начинают ассоциироваться. Люди решили, что если медитировать, это приносит счастье.

Это просто подход окольным путем: медитация приходит, когда человек счастлив. Быть счастливым трудно, научиться медитации легко. Быть счастливым — значит, претерпеть радикальную перемену в образе жизни — и перемену резкую, потому что времени терять нельзя. Внезапная перемена, откол, отрыв от прошлого... Внезапный удар грома — и ты умираешь для прошлого и начинаешь с самого начала, с самых азов. Жизнь начинается заново, такой, какой бы она была, если бы не было никаких образцов, навязанных родителями, обществом, государством; какой бы она была, *должна была* быть, если бы не было никого, чтобы вас отвлекать. Но вас отвлекли.

Вам придется отбросить все те образцы, что были навязаны, и найти собственное внутреннее пламя.

Что такое Счастье?

Счастье не имеет ничего общего с успехом, счастье не имеет ничего общего с амбициями, счастье не имеет ничего общего с деньгами, властью, престижем. Счастье связано с сознанием, не с характером.

Что такое счастье? Это зависит от вас, от того, находитесь ли вы в состоянии сознательности или бессознательности, от того, спите вы или пробуждены. У Мерфи есть один знаменитый афоризм. Он говорит, что люди бывают двух видов: люди первого вида всегда разделяют человечество на два вида, а люди второго вообще не разделяют человечество. Я принадлежу к первому: человечество можно разделить на два вида, на спящих и пробужденных — и, конечно, небольшую промежуточную группу.

Счастье зависит от того, в какой вы находитесь области сознания. Если вы спите, для вас счастьем будет удовольствие. Удовольствие подразумевает ощущение, попытку посредством тела достичь чего-то недостижимого — принудить тело достичь чего-то, к чему оно не способно. Люди пытаются всеми возможными способами достичь счастья посредством тела.

Тело может вам дать лишь мгновенные удовольствия, и каждое из этих удовольствий уравнивается болью в той же пропорции, в той же степени. За каждым удовольствием следует его противоположность, потому что тело существует в мире двойственности... Точно так же, как за днем следует ночь, и за жизнью следует смерть, и за смертью следует жизнь, — это порочный круг. За удовольствием последует боль, за болью последует удовольствие. Но вы никогда не бываете в непринужденном состоянии. Находясь в состоянии удовольствия, вы боитесь его потерять, и этот страх его отравляет. А когда вы тонете в боли, конечно, это причиняет страдание, и вы совершаете все возможные усилия, чтобы из нее выбраться, — и лишь для того, чтобы снова в нее упасть.

Будда называет это колесом рождения и смерти. Мы продолжаем вращаться вместе с этим колесом, цепляться за это колесо... а колесо продолжает двигаться. Временами наверху оказывается удовольствие, временами — боль, но мы остаемся расплюснутыми между двумя этими глыбами.

Но спящий человек ничего другого не знает. Он знает только несколько ощущений тела — еда, секс; это его мир. Он непрерывно между ними перемещается. Вот два конца его тела — еда и секс. Если он подавляет секс, то впадает в зависимость от еды; если он подавляет пристрастие к еде, то впадает в зависимость от секса. Энергия продолжает двигаться подобно маятнику. И все, что вы называете удовольствием, — это самое большее только высвобождение из напряженного состояния.

Сексуальная энергия собирается, скапливается; вы приходите в напряжение и тяжелеете, и вам хочется ее высвободить. Для человека, который спит, сексуальность — не что иное, как высвобождение, это все равно, что громкое чихание. Это не дает ничего, кроме некоторого облегчения, — было напряжение, теперь его больше нет. Но оно скопится снова. Еда дает лишь небольшое ощущение вкуса на кончике языка; вряд ли стоит ради этого жить. Но многие люди живут лишь для того, чтобы есть; очень немногие едят для того, чтобы жить.

Хорошо известна история Колумба. Он совершил долгое путешествие. Три месяца путешественники не видели ничего, кроме воды. Затем однажды Колумб взглянул на горизонт и увидел деревья. И если вы думаете, что Колумб был счастлив, увидев деревья, то вам надо было

видеть его собаку!

Это и есть мир удовольствия. Собаке это простительно — но не вам.

Во время первого свидания молодой человек в поисках способа хорошо провести время спросил юную леди, не хочется ли ей пойти заняться боулингом. Она ответила, что ей не хочется идти заниматься боулингом. Тогда он предложил кино, но она ответила, что не хочет и в кино. Пытаясь найти что-нибудь другое, он предложил ей сигарету, но и от нее она отказалась. Тогда он спросил, не хочется ли ей пойти на новую дискотеку потанцевать и немного выпить. Снова она отказалась, сказав, что подобные вещи ее не интересуют.

В отчаянии он предложил ей пойти к нему домой, и провести ночь, занимаясь любовью. К его удивлению, она радостно согласилась, страстно его поцеловала и сказала: — Ты ведь знаешь, все эти вещи не нужны, чтобы хорошо провести время!^[1]

То, что мы называем «счастьем», зависит от конкретного человека. Для спящего человека счастьем являются, приносящие удовольствие ощущения. Спящий человек живет от одного удовольствия до другого. Он просто бросается от одного ощущения к другому. Он живет ради небольших волнений; его жизнь очень поверхностна. В ней нет глубины, в ней нет качества. Он живет в мире количества.

Еще есть люди, живущие в промежутке, люди, которые не спят, не пробуждены, а находятся в преддверии — немного сна, немного бодрствования. Иногда вы переживаете подобный опыт рано утром — вы все еще во сне, но нельзя сказать, что вы спите, потому что из всего дома вам слышатся звуки, вам слышно, как ваш партнер готовит чай, как закипает чайник или как дети собираются в школу, вам слышны все эти звуки, но все же вы еще не проснулись. Смутно, туманно эти звуки доносятся до вас, словно между вами и всем происходящим вокруг большое расстояние. Это дает такое чувство, словно это все еще часть сновидения. Это не часть сновидения, но вы все еще в промежуточном состоянии.

То же самое происходит, когда вы начинаете медитировать. Немедитирующий спит, видит сны; медитирующий начинает двигаться из сна в направлении пробуждения, но остается в переходном состоянии. Тогда счастье приобретает совершенно другой смысл: оно становится более качеством, менее количеством; тогда оно более психологично и менее физиологично. Медитирующий более наслаждается музыкой, более наслаждается поэзией, более наслаждаются тем, чтобы что-то создавать. Эти люди наслаждаются природой, ее красотой. Они наслаждаются безмолвием, наслаждаются тем, чем никогда раньше не наслаждались, и это наслаждение гораздо более длительно. Даже если музыка прекращается, нечто от нее все еще медлит и продолжается у вас внутри.

И это не облегчение. Разница между удовольствием и таким качеством счастья состоит в том, что это не облегчение, а обогащение. Вы становитесь более наполненными и словно начинаете переливаться через край. Когда вы слушаете хорошую музыку, это запускает в вашем существе какой-то процесс, и в вас возникает гармония — вы становитесь музыкальными. Или, танцуя, внезапно вы забываете тело; ваше тело становится невесомым. Гравитация теряет власть над вами. Внезапно вы — в ином пространстве: эго теряет плотность, и танцор плавится и тает в танце.

Это гораздо выше, гораздо глубже, чем удовольствие, получаемое от еды или секса. В этом есть глубина. Но и это также — не предельное. Предельное происходит, только когда вы полностью пробуждены, когда вы — будда, когда весь сон исчез — и вместе с ним все сновидение, когда все ваше существо наполнено светом, когда у вас внутри не осталось никакой темноты. Вся темнота исчезла, и с исчезновением этой темноты не стало эго. Все напряжения спали, исчезли все тревоги, вся тоска. Вы в состоянии тотальной удовлетворенности. Вы живете в настоящем; нет больше ни прошлого, ни будущего. Вы — всецело здесь и сейчас. Это

мгновение — есть все. *Сейчас — единственное время, и здесь — единственное пространство. И тогда — внезапно — в вас обрушивается все небо. Это — блаженство. Это — настоящее счастье.*

Ищите блаженства; это ваше право от рождения. Не продолжайте блуждать в дебрях удовольствий; поднимитесь немного выше. Достигните счастья, а затем — блаженства. Удовольствие — животнo, счастье — человекнo, блаженство — божественнo. Удовольствие порабощает; это — тюрьма; оно заковывает вас в цепи. Счастье дает вам немного более длинный поводок — но лишь немного. Блаженство — это абсолютная свобода. Вы начинаете двигаться вверх; оно вас окрыляет. Вы прекращаете быть частью грубой земли; вы становитесь частью неба. Вы становитесь светом, вы становитесь радостью.

Удовольствие зависит от других. Счастье не настолько зависимо от других, но все же, отделено от вас. Блаженство ни от чего не зависимо и, более того, не отделено; оно — само ваше существо, сама ваша природа.

Гаутама Будда сказал:

Есть удовольствие, и есть блаженство.

Минуй первое, чтобы овладеть вторым.

Медитируйте на это как только возможно глубоко, потому что эти слова содержат одну из самых фундаментальных истин. Эти четыре слова нужно будет понять, их нужно будет осмыслить. Первое — удовольствие, второе — счастье, третье — радость, четвертое — блаженство.

Удовольствие — физическое, психологическое. Удовольствие — самая поверхностная вещь в жизни; это щекотка. Оно может быть сексуальным, оно может относиться к другим органам чувств, может стать одержимостью едой, но оно всегда укоренено в теле. Тело — это ваша периферия, ваша окружность; это не центр вас. А жить на периферии — значит, жить, отдавшись на милость всевозможных окружающих вас вещей, которые непрерывно меняются. Человек, ищущий удовольствия, остается на милости случайности. Он в точности похож на волны океана, остающиеся на милости ветров. Налетают сильные ветры, и волны появляются; ветры стихают, и волны исчезают. Они не обладают никаким независимым существованием, они зависимы — а все зависимое от чего-то вне себя, приносит рабство.

Удовольствие зависит от другого. Если ты любишь женщину, если это твое удовольствие — тогда эта женщина становится твоим хозяином. Если ты любишь мужчину, и это твое удовольствие, если без него ты чувствуешь себя несчастной, грустной, приходишь в отчаяние — значит, ты создала себе оковы. Вы создали тюрьму, вы больше не живете в свободе. Если ты ищешь денег и власти, то будешь зависимым от денег и власти. Человек, который продолжает накапливать деньги... — если ему доставляет удовольствие иметь больше и больше денег, — он будет становиться более и более несчастным, потому что, чем больше у него становится, тем больше он хочет, чем больше у него денег, тем более он боится их потерять.

Это обоюдоострый меч: желание большего — первая грань меча. Чем большего ты требуешь, чем большего ты желаешь, тем более будешь чувствовать, что тебе чего-то недостает, — и тем более пустым и полым будешь себе казаться. И другая грань меча состоит в том, что чем больше у тебя есть, тем более ты боишься, что это может быть отнято. Богатство может быть украдено, банк может разориться, может измениться политическая ситуация в стране, страна может стать коммунистической... есть тысяча и одна вещь, от которой зависят деньги. Деньги не делают тебя хозяином, они делают тебя рабом.

Удовольствие очень периферийно; поэтому оно обречено на зависимость от внешних обстоятельств. Это только щекотка. Если удовольствие доставляет еда, чем именно вы наслаждаетесь? Это только вкус — на мгновение, когда еда касается вкусовых рецепторов на

языке, вы испытываете ощущение, которое истолковываете как удовольствие. Это ваша интерпретация. Сегодня это может казаться удовольствием, а завтра может перестать, им казаться. Если вы будете продолжать есть одну и ту же еду каждый день, вкусовые рецепторы потеряют к ней чувствительность. Вскоре вы ею пресытитесь.

Именно так люди пресыщаются — сегодня ты гонишься за мужчиной или женщиной, а завтра пытаешься найти предлог, чтобы от этого же человека избавиться.

Один и тот же человек — ничего не изменилось! Что же случилось в промежутке? Тебе наскучил другой, потому что все удовольствие состояло в исследовании нового. Теперь другой больше не нов, ты ознакомился с его территорией. Тебе знакомо тело другого, изгибы тела, ощущение тела. Теперь ум жаждет чего-то нового.

Ум всегда жаждет чего-то нового. Именно так ум все время удерживает вас прикованными к какой-то точке в будущем. Он заставляет вас продолжать надеяться, но никогда не исполняет обещаний — исполнять он не умеет. Он умеет только создавать новые надежды, новые желания.

Точно как листья растут на деревьях, в уме растут желания и надежды. Ты хотел новый дом, и вот ты его получил — но где удовольствие? Оно пришло лишь на мгновение, когда ты достиг цели. Как только цель достигнута, ум она больше не интересует; он уже начал сплетать новые сети желания. Он уже начал думать о других, лучших домах. И это относится ко всему.

Удовольствие удерживает вас в невротическом состоянии, в беспокойстве, в вечном замешательстве.

Желаний так много, и каждое — неутолимо, и каждое громко требует внимания. Ты остаешься жертвой, терзаемой толпой безумных желаний — безумных из-за своей неосуществимости, — и они непрерывно тащат тебя одновременно во все стороны. Ты превращаешься в противоречие. Одно желание тянет тебя влево, другое — вправо, но ты продолжаешь питать оба одновременно. И тогда ты чувствуешь расщепленность, тогда ты чувствуешь себя раздвоенным, разрываемым на куски. Тогда ты чувствуешь себя так, словно разваливаешься на части. Никто другой за это не ответственен, это положение вещей создается именно всей глупостью стремления к удовольствию.

Это сложное явление. Ты не единственный, кто ищет удовольствия; тех же удовольствий ищут миллионы людей, точно таких, как ты. Отсюда вся эта борьба, соревнование, насилие, война. Люди стали друг другу врагами, потому что все они стремятся к одной и той же цели — и не все могут ее достичь. Это придает борьбе накал, рисковать приходится всем — не имея в перспективе ничего получить, потому что, добившись, ты не добиваешься ничего. Вся жизнь тратится впустую в этой борьбе. Жизнь, которая могла бы быть празднованием, становится долгой, растянутой, ненужной борьбой.

Если вы до такой степени гонитесь за удовольствием, то не сможете любить, потому что человек, который ищет удовольствия, использует другого как средство. А использовать другого как средство — одно из самых безнравственных действий, которые только возможны, потому что каждое существо — само по себе цель и нельзя использовать его как средство. Но в поисках удовольствия вам придется использовать другого как средство. Вы становитесь коварными, потому что борьба так жестока. Не будучи коварными, вы будете обмануты, и прежде чем вас обманут другие, вам придется обмануть их самим.

Макиавелли дал совет всем искателям удовольствия: лучший способ защиты — это нападение. Никогда не дожидайся, пока на тебя нападет другой, может оказаться слишком поздно. Прежде чем другой нападет на тебя, напади на него ты! Это лучший способ защиты. И все этому следуют, зная о Макиавелли или нет.

Это что-то очень странное: все знают о Христе, о Будде, о Мухаммеде, о Кришне, но им

никто не следует. *О Макиавелли люди знают мало, но ему следуют, словно Макиавелли очень близок их сердцам. Вам не нужно даже его читать, вы уже ему следуете.* Все ваше общество основывается на принципах Макиавелли; именно в этом состоит вся политическая игра. Прежде чем кто-то у тебя что-то выхватит, выхвати это у него; будь всегда начеку. Естественно, если ты всегда начеку, то будешь напряженным, встревоженным, беспокойным. Все — против тебя, а ты — против всех.

Таким образом, удовольствие не является — и не может быть — целью жизни.

Второе слово, которое нужно понять, — это счастье. Удовольствие физиологично, счастье психологично. Счастье немного лучше, немного тоньше, немного выше... Но оно мало отличается от удовольствия. Можно сказать, что удовольствие — низший род счастья, а счастье — высший род удовольствия; две стороны одной монеты. Удовольствие немного более примитивно, животно; счастье немного более культурно, немного более человечно — но это та же самая игра, проигрываемая в мире ума. Вас заботят не столько физиологические ощущения, сколько ощущения психологические. Но по сути своей они не отличаются.

Третье слово — радость. Радость духовна. Она отличается, радикально отличается от удовольствия и счастья. Она не имеет ничего общего с внешним, с «другим»; это внутреннее явление. Радость не зависима от обстоятельств; она — ваша собственная. Это не щекотка, производимая внешними вещами; это состояние покоя, безмолвие... медитативное состояние. Она духовна.

Но Будда не говорил и о радости, потому что есть еще что-то, даже за пределами радости. Он называет это блаженством. Блаженство тотально. Оно ни физиологично, ни психологично, ни духовно. Оно не знает никакого разделения, оно неделимо. Оно тотально в одном смысле и трансцендентально в другом. Будда в своем утверждении использует только два слова. Первое — удовольствие; оно включает в себя счастье. Второе — блаженство; оно включает в себя радость.

Блаженство означает, что вы достигли глубочайшего ядра своего существа. Оно принадлежит предельной глубине вашего существа, в котором даже эго больше нет, в котором царит лишь молчание; вас не стало. В состоянии радости вы еще немного существуете, но в блаженстве вас нет. Эго растворилось; это состояние не-бытия.

Будда называет это *нирваной*. Нирвана означает, что вы прекратили быть; вы — лишь бесконечная пустота, подобная небу. И в то мгновение, когда вы — эта бесконечность, вы наполняетесь звездами, и начинается совершенно новая жизнь. Вы рождены заново.

Удовольствие мгновенно, принадлежит временному, приходит «на время»; блаженство — вневременное, безвременное. Удовольствие начинается и кончается; блаженство остается навеки. Удовольствие приходит и уходит; блаженство никогда не приходит, никогда не уходит — оно уже есть в глубочайшем ядре вашего существа. Удовольствие приходится урывать у кого-то другого; ты становишься либо нищим, либо вором. Блаженство делает тебя хозяином.

Блаженство — это не что-то, что вы приобретаете, но что-то, что вы открываете. Это ваша глубочайшая природа. Оно было с самого начала, только вы не смотрели на него. Вы принимали его как должное. Вы не смотрите вовнутрь.

Это единственное несчастье человека: он продолжает смотреть наружу, искать снаружи и исследовать внешнее. А снаружи блаженство найти нельзя, потому что его там нет.

Однажды вечером Рабия — а она была знаменитым суфийским мистиком — что-то искала на улице у своей небольшой хижины. Садилось солнце; мало-помалу сгущались сумерки. Собралась небольшая толпа. Люди спросили ее:

— Что ты делаешь? Что ты потеряла? Что ты ищешь?

— Я потеряла иголку, — сказала она.

— Солнце уже садится, — сказали люди, — и найти иголку будет трудно, но мы тебе поможем. Где именно она упала? Потому что дорога большая, а иголка такая маленькая. Если мы узнаем точное место, то найти ее будет легче.

— Лучше бы вам не задавать мне этого вопроса, — сказала Рабия, — потому что, по сути дела, она упала вовсе не на дороге, она упала в доме.

Люди стали смеяться, они сказали:

— Мы всегда знали, что ты немного не в себе! Если иголка упала в доме, зачем же ты ищешь ее на дороге?

— По простой и логичной причине, — сказала Рабия. — Внутри дома темно, а снаружи еще есть немного света. Люди засмеялись и стали расходиться. Рабия позвала их обратно и сказала:

— Слушайте! Именно это делаете вы; я только следую вашему примеру. Вы идете искать блаженства во внешний мир, не задавая первого и важнейшего вопроса: где вы его потеряли? И вот я вам говорю: вы потеряли его внутри. Вы ищете его снаружи по той простой и логичной причине, что ваши органы чувств обращены наружу — и там есть немного света. Ваши глаза смотрят вовне, ваши уши слышат внешнее, ваши руки тянутся наружу — и именно по этой причине вы ищете снаружи. А я вам скажу, что вы потеряли блаженство не там, — и скажу по собственному опыту. Я тоже искала снаружи, искала много, много жизней, и однажды я посмотрела вовнутрь и была удивлена. Не было необходимости исследовать; оно всегда было внутри.

Блаженство — ваше глубочайшее ядро. Удовольствие вам приходится выпрашивать у других, и естественно, вы становитесь зависимыми. Блаженство делает человека хозяином. Блаженство — это не что-то происходящее; оно уже здесь.

Будда говорит: *«Есть удовольствие, и есть блаженство. Минуй первое, чтобы овладеть вторым».*

Перестаньте смотреть наружу. Смотрите вовнутрь, обратитесь вовнутрь. Начните искать и исследовать в собственном внутреннем пространстве, в собственной субъективности. Блаженство — это не объект, который можно найти где-то в другом месте; это — ваше сознание.

На Востоке мы всегда определяли предельную истину как *Сам-Чит-Ананд*. *Сам* значит «истина», *чит* значит «сознание», *ананд* значит «блаженство». Это три лица одной и той же реальности. Это подлинная троица — не Бог-отец, сын Иисус Христос и Святой Дух; подлинная троица — это истина, сознание, блаженство. И это не отдельное явление, но одна энергия, выражающая себя в трех формах, одна энергия с тремя лицами. Поэтому на Востоке мы говорим, что Бог есть *тримурти* — у Бога три лица. Вот его настоящие лица — а не Брахма, Вишну и Махеш.. это для детей, для духовно, метафизически незрелых. Брахма, Вишну и Махеш, или Отец, Сын и Святой Дух... эти имена — для начинающих.

Истина, сознание, блаженство — вот высшие истины. Первичнее всего истина. Когда вы входите во внутрь, то осознаете свою вечную реальность — *сам*, истину. Войдя глубже в свою реальность, в свою истину, вы осознаете сознание, безграничное сознание. Все есть свет, ничто не темно. Все есть осознанность, ничто не неосознанно. Вы — лишь пламя сознания, и нигде нет ни тени бессознательности. И когда вы входите еще глубже, в самом глубочайшем ядре находится блаженство — *ананд*.

Будда говорит: минуйте все, что считали осмысленным, важным, пожертвуйте всем ради этого предельного, потому что это единственное, что принесет вам удовлетворенность, осуществленность, единственное, что принесет весну вашему существу.. и вы расцветете тысячей и одним цветком.

Удовольствие удерживает вас в состоянии бревна, плывущего по реке. Удовольствие делает вас более и более коварными; оно не приносит вам мудрости. Оно приводит вас в большее и большее рабство; оно не дает вам королевства собственного существа. Оно делает вас более и более расчетливыми, оно делает вас более и более эксплуататорами. Оно делает вас более и более политичными, дипломатичными. Вы начнете использовать людей как средства — именно это делают все.

Муж говорит жене: «Я тебя люблю», но в действительности он просто ее использует. Жена говорит мужу, что любит его, но просто его использует. Может быть, муж использует ее как сексуальный объект, а жена использует его как средство финансовой защищенности. Удовольствие делает каждого коварным, обманщиком. А быть коварным — значит упускать блаженство невинного бытия, упускать блаженство бытия ребенка.

В конструкторском центре Локхид для нового самолета потребовалась определенная запчасть. По всему миру были разосланы запросы, чтобы установить самую низкую цену. Из Польши пришла заявка на три тысячи долларов. Англия предложила сконструировать требуемую запчасть за шесть тысяч. Цена, запрошенная Израилем, составила девять тысяч. Ричардсон, главный инженер-конструктор нового самолета, решил посетить каждую из стран, чтобы выяснить причину такого расхождения в ценах. Польский производитель объяснил:

— Тысяча нужна на материалы, тысяча — на работу, еще тысяча — на накладные расходы и мизерную долю прибыли.

В Англии Ричардсон осмотрел запчасть и нашел, что она почти так же хороша, что и сделанная в Польше.

— Почему вы просите шесть тысяч? — осведомился инженер.

— Две тысячи на материал, — объяснил англичанин, — две тысячи на работу и еще две — на расходы и небольшую прибыль.

В Израиле представитель Локхида долго блуждал закоулками, прежде чем отыскал крохотную лавку, где перед ним предстал пожилой податель заявки на девять тысяч долларов.

— Почему вы просите так много? — спросил он.

— Ну, сами понимаете, — сказал старый еврей, — три тысячи вам, три тысячи мне и еще три — одному шмюку в Польше!

Деньги, власть, престиж — все это делает вас коварными. Ищите удовольствия, и вы потеряете невинность, а потерять невинность — значит, потерять все. Иисус говорит: будьте подобны детям, и только тогда вы сможете войти в Царство Божие. И он прав. Но искатель удовольствия не может быть невинным, как ребенок. Он должен быть очень хитрым, очень коварным, очень дипломатичным. Лишь тогда он сможет преуспеть в яростном соревновании, продолжающемся всюду вокруг. Все готовы перегрызть друг другу глотки; вы не живете среди друзей. Этот мир не может быть дружественным, пока мы не отбросим эту идею соревновательности.

Каждого ребенка мы с самого начала начинаем отравлять этим ядом соревновательности. К тому времени, как он выходит из университета, он уже отравлен полностью. Мы его загипнотизировали идеей, что он должен бороться с другими, что в жизни выживает сильнейший. Такая жизнь никогда не может быть празднованием.

Если ты счастлив за счет счастья другого человека... а только так ты можешь быть счастлив, другого пути нет. Если ты находишь красивую женщину и так ли иначе тебе удастся ее получить, ты выхватил ее из рук другого. Мы пытаемся придать вещам как можно более красивый вид. Но это только на поверхности. Теперь другие, проигравшие в игре, придут в гнев, в ярость. Они будут ожидать возможности отомстить, и рано или поздно эта возможность представится.

Чем бы вы ни владели в этом мире, вы этим владеете за счет кого-то другого, ценой удовольствия кого-то другого. Другого пути нет. Если вы действительно хотите ни с кем в этом мире не враждовать, вам придется отбросить всю идею соревновательности. *Пользуйтесь всем, что бы ни оказалось в пределах вашей досягаемости в это мгновение, но не впадайте в собственничество. Не пытайтесь претендовать на то, что это ваше. Ничто — не ваше, все принадлежит существованию.*

Мы приходим с пустыми руками и с пустыми руками уйдем, так какой смысл тем временем предъявлять столько претензий? Но это все, что мы умеем, это все, что говорит нам мир: владей, главенствуй, имей больше, чем другие. Будь то деньги или добродетель, неважно, какой монетой ты расплачиваешься — она может быть мирской, она может быть духовной, — но будь очень хитрым, иначе тебя будут эксплуатировать. Эксплуатируй и не подвергайся эксплуатации — вот подспудное послание, которое мы всасываем с молоком матери. И каждая школа, каждый колледж, университет укоренены в идее соревнования.

Настоящее образование не станет учить вас соревноваться; оно будет учить вас сотрудничать. Оно не станет вас учить бороться и стремиться к первенству. Оно будет учить вас быть творческими, любящими, блаженными, не сравнивая себя с другими. Оно не станет учить вас тому, что вы сможете быть счастливыми, только достигнув первенства, — это сущий вздор. Вы не сможете быть счастливыми только благодаря первенству, а в попытках достичь первенства вам придется пережить столько страдания, что к тому времени, как вы его достигнете, страдание войдет в привычку.

К тому времени как человек становится президентом или премьер-министром страны, ему приходится пережить столько страдания, что страдание становится его второй натурой. Теперь он не знает никакого другого способа существовать; он остается несчастным. Напряжение впечаталось в него; тревожность стала его образом жизни. Он не знает никакого другого способа жить; это сам его образ жизни. Таким образом, хотя и добившись первенства, он остается настороженным, встревоженным, испуганным. Это совершенно не меняет его внутреннего качества.

Настоящее образование не станет учить вас стремиться к первенству. Оно будет учить вас наслаждаться всем, что бы вы ни делали, и не ради результата, но ради самого действия. Точно как художник, или танцор, или музыкант...

Вы можете создавать картины двумя способами. Вы можете это делать из соревнования с другими художниками; вы хотите быть величайшим художником в мире, вы хотите быть Пикассо или Ван Гогом. Тогда ваши картины будут второсортными, потому что ум не заинтересован в самом создании; он заинтересован в первенстве, в том, чтобы быть величайшим художником в мире. Вы не идете глубоко в искусство живописи, не наслаждаетесь им, но только используете его как ступень. Вы находитесь в путешествии эго, и проблема в том, что, чтобы быть настоящим художником, эго нужно отбросить полностью. Чтобы быть настоящим художником, эго придется отложить в сторону. Лишь тогда сквозь вас сможет течь существование. Лишь тогда будет возможным, чтобы ваши руки, пальцы и кисть служили проводником. Лишь тогда сможет родиться нечто от несказанной красоты.

Настоящая красота всегда создается не вами, но лишь посредством вас. Существование течет; вы становитесь лишь проходом. Вы позволяете ему случиться, вот и все. Вы ему не препятствуете, вот и все.

Но если вас слишком интересует результат... конечный результат: вы должны прославиться, вы должны получить Нобелевскую премию, вы должны стать лучшим художником в мире, вы должны превзойти всех художников прошлого — тогда вас интересует не живопись, живопись становится второстепенной, и, конечно, с второстепенным интересом к живописи вы не

сможете создать ничего оригинального. Все будет заурядным.

Эго не может принести в мир ничего незаурядного; незаурядное приходит лишь благодаря отсутствию эго. И то же самое верно в отношении музыканта, поэта, танцора. То же самое верно в отношении каждого. В *Бхагават-Гите* Кришна говорит: «Не думай ни о каком результате». Это послание безмерной красоты, значительности и истины. Не думай ни о каком результате. Просто делай все, что делаешь, со всей тотальностью, потеряйся в этом, потеряй делающего в делании. Не «будь» — позволь своим творческим энергиям течь беспрепятственно. Именно поэтому Кришна говорит Арджуне: «Не беги от войны... потому что я вижу, что это бегство — только путешествие эго. То, как ты это говоришь, просто показывает, что ты рассчитываешь, думаешь, что благодаря бегству от войны станешь великим святым. Вместо того чтобы сдаться целому, ты принимаешь самого себя слишком серьезно — словно если бы не было тебя, не было бы и войны».

Кришна говорит Арджуне: «Просто будь в состоянии позволения». Скажи существованию: «Используй меня так, как тебе заблагорассудится. Я доступен, доступен без условий». Тогда все, что бы ни случилось посредством тебя, будет обладать великой подлинностью. В этом будет интенсивность, в этом будет глубина, в этом будет печать вечности.

Иисус говорит: помните — те, кто в этом мире первые, будут последними в Царстве Божьем, а последние будут первыми. Он дал вам фундаментальный закон... он дал вам неисчерпаемый, вечный закон: прекратите стремиться к первенству. Но помните одно — это очень важно, потому что ум так коварен, что может исказить любую истину... Вы можете начать пытаться быть последними — но тогда упустите всю суть. Тогда возникнет другое соревнование: «Я должен быть последним» — и если кто-то другой объявляет себя последним, снова начинается борьба, снова начинается конфликт.

Я слышал одну суфийскую притчу: Великий император Надир-шах молился. Было раннее утро, солнце еще не взошло, было еще темно. Надир-шах собирался в поход с целью завоевания новой страны, и, конечно, он молился Богу, чтобы тот его благословил и сделал победителем. Он говорил Богу: — Я — никто, только слуга, слуга твоих слуг. Благослови меня. Я совершаю твою работу, и эта победа будет твоей. Но я — никто, помни. Я — лишь слуга твоих слуг. Рядом с ним был священник, помогавший ему молиться, посредник между ним и Богом. Внезапно они услышали в темноте другой голос. Нищий из этого города тоже молился, тоже говорил Богу:

— Я — никто, слуга твоих слуг. Император сказал:

— Посмотрите только на этого нищего! Сам нищий, а еще говорит Богу, что он — никто! Прекрати этот вздор! Кто ты такой, чтобы говорить, что ты — никто? Это я — никто, и никто другой не может этого оспаривать. Это я — слуга слуг Бога! Кто ты такой, чтобы говорить, что ты — слуга его слуг?

Видите? Соревнование продолжается по-прежнему, то же самое соревнование, та же самая глупость. Ничего не изменилось. Тот же самый расчет: «Я должен быть последним. Никому другому нельзя позволить быть последним». Ум может продолжать играть с вами в такие игры, если вы не обладаете большим пониманием, если вы не очень разумны.

Никогда не пытайтесь быть счастливыми за счет счастья другого человека. Это уродливо, бесчеловечно. Это насилие в полном смысле слова. Если вы считаете, что становитесь святым, осудив других как грешников, ваша святость не что иное, как новое путешествие эго. И если вы считаете себя святым лишь потому, что пытаетесь представить грешниками других... а именно это продолжают делать ваши святые. Они неустанно похваляются своей святостью, благочестием. Пойдите к вашим так называемым святым и посмотрите им в глаза. В них столько

осуждения к вам! Они говорят, что все вы обречены на ад; они неустанно осуждают всех и каждого. Послушайте их проповеди; все их проповеди полны осуждения. И конечно, вы выслушиваете их осуждение молча, потому что знаете, что в вашей жизни было много ошибок, заблуждений. А они осуждают *все* — чувствовать себя хорошим человеком невозможно. Ты любишь поесть, ты — грешник; утром ты не встаешь рано, ты — грешник; вечером ты ложишься поздно, ты — грешник. Все устроено таким образом, что не быть грешником очень трудно.

Да, они *сами* — не грешники. Они рано ложатся спать и рано встают по утрам... по существу, им нечего больше делать. Они никогда не совершают никаких ошибок, потому что никогда ничего не делают. Они просто сидят сиднем, почти как мертвецы. Но если ты что-то делаешь, конечно, — где тебе быть святым? Поэтому веками святой человек отрекался и бежал от мира: быть святым, оставаясь в мире, казалось невозможным.

Весь мой подход состоит в том, что иначе как в самой гуще мира никакая святость не имеет ни малейшей ценности. Будьте святыми, оставаясь в мире! Мы должны определять святость совершенно по-другому. Не живите за счет удовольствия других — вот что такое святость. Не разрушайте счастья других, помогайте другим быть счастливыми — вот что такое святость. Создайте такой климат, в котором у каждого может быть немного радости.

Если вы преследуете счастье, определенно одно: вы его не получите. Счастье — это всегда побочное следствие. Это не результат прямого преследования.

Вот наиважнейший из всех вопросов: что такое истинное счастье? И есть ли возможность его достичь? Возможно ли вообще истинное счастье или все оно преходяще? Неужели жизнь — это только сон или в ней есть и нечто существенное? Начинается ли жизнь рождением и кончается ли смертью или есть нечто, превосходящее рождение и смерть? — Потому что без вечного нет никакой возможности истинного счастья. В преходящем счастье будет оставаться быстротечным: в одно мгновение оно здесь, в другое мгновение его не стало, и вы остаетесь в глубоком отчаянии и темноте.

Именно так происходит в обычной жизни, в жизни непробужденного. Бывают мгновения блаженства, бывают мгновения страдания; все перемешано, перепутано. Ты не можешь удержать тех мгновений счастья, что к тебе приходят. Они приходят сами собой и сами собой исчезают; ты им не хозяин... Как не можешь ты избежать и мгновений страдания; они тоже умеют настоять на своем. Они приходят сами собой и сами собой уходят; ты — просто жертва. И между этими двумя крайностями — счастьем и несчастьем — тырываешься на куски, никогда не оставаясь в состоянии непринужденности.

Это положение, в котором вас рвут на части все виды двойственности... Двойственность счастья и несчастья — самая основная и показательная, но есть еще тысяча и одна двойственность: двойственность любви и ненависти, двойственность жизни и смерти, дня и ночи, лета и зимы, юности и старости и так далее и тому подобное. Но главная двойственность, представляющая все остальные, — это двойственность счастья и несчастья. Вас разрывает на части, тянет в разные, полярно противоположные стороны. Вы не можете быть в покое: вы в беспокойстве^[2].

Будды говорят, что человек есть болезнь. Абсолютна ли эта болезнь — или ее можно трансцендировать?

Отсюда вытекает первый и главнейший вопрос: что такое истинное счастье? Безусловно, счастье, которое мы знаем, не истинно; зыбкое, как сновидение, оно всегда обращается в свою противоположность. То, что кажется счастьем в одно мгновение, в другое оборачивается несчастьем.

Превращение счастья в несчастье просто показывает, что они не отдельные, — может быть, две стороны одной монеты. И если у вас есть одна сторона монеты, за ней всегда кроется другая, ожидая лишь возможности, чтобы себя утвердить, — и вы это знаете. Когда вы счастливы, где-то глубоко внутри кроется страх, что это не продлится долго, что рано или поздно счастье уйдет, и сгущаются сумерки, и в любой момент вас может поглотить тьма, и это свет — лишь плод воображения; он не может вам помочь, не может переправить вас на другой берег.

Ваше счастье — не счастье на самом деле, но лишь скрытое несчастье. Ваша любовь — не любовь, но лишь маска для ненависти. Ваше сострадание — не более чем гнев — окультуренный, изощренный, образованный, утонченный, цивилизованный; но ваше сострадание — не что иное, как гнев. Ваша чувствительность — не настоящая чувствительность, но только умственное упражнение, определенный подход, определенная практика.

Помните: все человечество воспитывается на идее, что добродетель можно практиковать, что добро можно практиковать, что человек может научиться быть

счастливым, что человек может устроить так, чтобы быть счастливым, что в нашей власти создать определенный характер, приносящий счастье. Все это неправильно, абсолютно неправильно.

Вот первое, что нужно понять о счастье: его нельзя практиковать. Его можно только позволить, потому что это не нечто такое, что вы создаете. Чем бы ни было то, что создаете вы, это будет оставаться чем-то меньшим, чем вы, более крошечным.

Созданное вами не может быть больше вас. Картина не может быть больше, чем сам художник, и стихотворение не может быть больше, чем поэт. Ваша песня будет неизбежно чем-то меньшим, чем вы сами.

Если вы практикуете счастье, то всегда где-то позади, будете в нем сохраняться сами, со всеми своими глупостями, со всеми своими путешествиями эго, со всем своим невежеством, со всем хаосом своего ума. Этим хаотическим умом вы не можете создать космоса, не можете создать изящества духа. Одухотворение^[3] всегда нисходит из запредельного; его следует принимать как дар, в безграничном доверии, в полной отдаче себя^[4].

В состоянии позволения^[5] случается истинное счастье.

Но нам говорили, что нужно достигать, быть честолюбивыми. Всему нашему уму была привита привычка к достижению. Все образование, культура и религия — все они построены на основе той идеи, что человек должен быть честолюбивым; только честолюбивый человек сможет достичь осуществленности. Так никогда не бывало, так никогда не будет, но наше невежество столь глубоко, что мы продолжаем верить в этот вздор.

Ни один честолюбивый человек никогда не был счастлив; по сути, *честолюбивый человек — самый несчастный в мире. Но мы продолжаем учить детей амбициям: «Будь первым, будь наверху, и ты будешь счастлив!»* А приходилось ли вам когда-нибудь видеть кого-нибудь, кто был бы одновременно первым и счастливым? Был ли счастлив Александр Великий, когда стал повелителем мира? Он был одним из несчастнейших людей, которые только жили на Земле. Видя блаженство Диогена, он ему позавидовал. Завидовать нищему?..

Диоген был нищим; у него не было ничего, даже чаши для подаяния. У Будды, по крайней мере, была чаша для подаяния и три смены одежды. Диоген был голый — и без всякой чаши для подаяния. Однажды он пришел к реке с чашей для подаяния. Было жарко, он испытывал жажду, и ему захотелось попить воды из реки. И когда он приблизился к реке, уже на самом берегу, мимо него пробежала собака; пыхтя, она бросилась в реку, стала в ней плескаться и напилась вволю. В уме Диогена возникла идея: «Эта собака свободнее меня — ей не приходится носить с собой чашу для подаяния. А если это получается у нее, почему не могу обойтись без этой чаши я? Это единственное мое владение, и я должен за ним присматривать, потому что его могут украсть. Даже ночью один или два раза мне приходится трогать ее рукой, чтобы проверить, на месте ли она еще или ее уже нет». И он выбросил чашу для подаяния в реку, поклонился собаке и поблагодарил ее за великое послание, которое она ему принесла от существования.

Этот человек, у которого ничего не было, вызвал зависть в уме Александра. Каким, наверное, он был несчастным! Он сознался Диогену:

— Если когда-нибудь снова Бог даст мне рождение, я попрошу его: «На этот раз, пожалуйста, не делай меня Александром, сделай меня Диогеном».

Диоген громогласно рассмеялся и позвал собаку — потому что теперь они стали друзьями, стали жить вместе — он позвал собаку и сказал:

— Только посмотри, послушай, какую ерунду он говорит! В следующей жизни он хочет быть Диогеном! Почему не в этой жизни? Зачем откладывать? Кто знает, что будет в следующей жизни? Даже следующий день остается неопределенным, следующее мгновение остается неопределенным — что говорить о следующей жизни! Если ты действительно хочешь быть

Диогеном, то это возможно прямо в этот самый момент, здесь и сейчас. Брось одежду в реку и забудь все о завоевании мира! Это сущая глупость, и ты это знаешь сам. Ты признался, что несчастен, ты признался, что Диоген оказался в гораздо лучшем, более блаженном состоянии. Так почему не быть Диогеном прямо сейчас? Ляг на этом речном берегу, где я принимаю солнечную ванну! На этом берегу достаточно места для нас обоих.

Александр не смог принять этого приглашения, конечно. Он сказал:

— Спасибо за твое приглашение. Прямо сейчас я этого не могу, но в следующей жизни...

— Куда ты хочешь попасть? — спросил его Диоген. — И что ты будешь делать, даже если завоюешь мир?

— Тогда я отдохну, — сказал Александр.

— Это кажется абсолютно нелепым, — сказал Диоген, — потому что я отдыхаю прямо сейчас!

Если Александр не счастлив, если Адольф Гитлер не счастлив, если Рокфеллеры и Карнеги не счастливы: люди, у которых есть все деньги мира, — если они не счастливы; люди, у которых есть вся власть мира, — если они не счастливы... Просто посмотрите на людей, достигших успеха в мире, и вы отбросите идею об успехе. Ничто не приносит такого поражения, как успех. *Хотя вам говорили, что ничто не приносит такого успеха, как успех, я вам говорю, что ничто не приносит такого поражения, как успех.*

Счастье не имеет ничего общего с успехом. Счастье не имеет ничего общего с амбициями. Счастье не имеет ничего общего с деньгами, властью, престижем. Это совершенно другое измерение. Счастье связано с вашим сознанием, но не с характером. Позвольте мне напомнить: характер — это нечто, вам привитое. Ты можешь стать святым, но все же не будешь счастливым, если твоя святость — не более чем тренированная святость. А именно так люди становятся святыми.

Католики, джайны, индуисты — как они становятся святыми? Они тренируются — в мельчайших деталях, миллиметр за миллиметром — когда им просыпаться, что есть, чего не есть, когда ложиться спать...

Я совершенно не верю в характер. Мое доверие — к сознанию. Если человек становится более сознательным, это естественным образом трансформирует его характер. Но эта трансформация совершенно другая: она не подстроена умом, она естественна, она спонтанна. И всегда, когда ваш характер естествен и спонтанен, он красив и своеобразен; иначе продолжайте совершенствоваться сколько угодно... можете отбросить гнев, но куда вы его отбросите? Отбросить его придется в глубь собственного бессознательного. Вы можете изменить одну сторону своей жизни, но, что бы вы ни швырнули вовнутрь, оно начнет выражать себя с какой-то другой стороны. Это неизбежно. Можно перегородить поток камнем; он потечет в каком-то другом направлении — его нельзя уничтожить. Гнев есть, потому что вы бессознательны, жадность есть, потому что вы бессознательны, собственничество и ревность есть, потому что вы бессознательны.

Поэтому я не заинтересован в том, чтобы изменить ваш гнев; это было бы все равно, что подстригать листья дерева, надеясь, что дерево однажды исчезнет. Этого не будет. Напротив, чем более вы подстригаете листья, тем гуще будет крона.

Таким образом, ваши так называемые святые — самые грешные люди в мире, притворщики, лицемеры. Да, если смотреть снаружи, они выглядят очень святыми — даже чересчур святыми, приторными, слишком сладкими, болезненно сладкими, тошнотворно сладкими. К ним можно приблизиться только с тем, чтобы воздать дань почтения и тут же спастись бегством. Вы не сможете выдержать со своими святыми и двадцати четырех часов — они нудны, как смерть! Чем ближе вы к ним подойдете, тем более придете в недоумение, замешательство, озадаченность,

потому что вам станет видно, что с одной стороны они пересилили гнев, но он вошел в другую сторону их жизни.

Обычные люди испытывают гнев изредка, и их гнев очень скоротечен, очень недолговечен. Потом они снова смеются, снова они дружелюбны; они не носят с собой рану слишком долго. Но ваши так называемые святые — их гнев становится почти постоянным делом. Они просто живут в гневе, не гневаясь ни на что в отдельности. Они подавили гнев до такой степени, что теперь просто остаются в гневе, в состоянии ярости. Это показывают их глаза, это показывают их носы, их лица, это показывает сам их образ жизни.

Лу-Тинь всегда обедал в греческом ресторане, потому что Пападопулос, его владелец, замечательно готовил жареный рис. Каждый вечер он приходил в ресторан и заказывал «жаленый лис».

Это всегда заставляло Пападопулоса падать на пол от смеха. Иногда он даже приглашал двух или трех друзей, стоящих поблизости, просто чтобы послушать, как Лу-Тинь закажет свой «жаленый лис». В конце концов, это так ранило гордость китайца, что он стал брать специальные уроки дикции, чтобы научиться говорить «жареный рис» правильно. И вот однажды он пришел в ресторан и сказал, чеканя слова:

— Жареный рис, пожалуйста.

Не веря своим ушам, Пападопулос переспросил:

— Что вы сказали?

— Ты слышал, что я сказал, — завопил Лу-Тинь, — глеческий улод!

Невелика разница: был «жаленый лис», стал «глеческий улод»! Если закрыть одну дверь, тотчас же открывается другая. Это не путь трансформации.

Изменить характер легко; настоящая работа состоит в том, чтобы изменить сознание, в том, чтобы стать сознательным — более сознательным, более интенсивно и страстно сознательным. Когда вы сознательны, невозможно быть гневными, невозможно быть жадными, невозможно быть ревнивыми, невозможно гнаться за амбициями.

И когда весь гнев, жадность, амбиции, ревность, собственничество, похоть исчезают, высвобождается вовлеченная в них энергия. Эта энергия становится вашим блаженством. Теперь оно не приходит извне; теперь оно случается внутри вашего существа, в глубочайших тайниках вашего существа.

И когда эта энергия оказывается доступной, вы становитесь восприимчивым полем, становитесь магнетическим полем. Вы привлекаете запредельное — став магнетическим полем, когда вся энергия, которая понапрасну тратилась вашей бессознательностью, собирается внутри вас, разливается озером. Когда вы становитесь озером энергии, вы начинаете привлекать звезды, вы начинаете привлекать запредельное, вы начинаете привлекать самый рай.

И встреча вашего сознания с запредельным — точка блаженства, истинного счастья. Это блаженство ничего не знает о несчастье; это сущее счастье. Оно ничего не знает о смерти; это сущая жизнь. Оно ничего не знает о темноте; это сущий свет, и знать его — вот в чем цель. Гаутама Будда отправился на поиски его, и однажды спустя шесть лет, полных борьбы, он его достиг.

Вы тоже можете его достичь, но позвольте мне напомнить: говоря, что вы можете его достичь, я не пытаюсь вызвать желание его достичь. Я просто констатирую факт: если человек становится безбрежным озером энергии, не тревожимым ничем мирским, это происходит. Это более происшествие, чем действие. И лучше назвать это блаженством, чем счастьем, потому что слово «счастье» создает впечатление чего-то подобного тому, что вы понимаете под счастьем.

То, что вы понимаете под счастьем, — не более чем относительное состояние.

Бенсон пришел в одеждуную лавку Крантца купить себе костюм. Найдя тот самый фасон, какой ему хотелось, он снял с вешалки пиджак и примерил его.

Крантц подошел к нему.

— Да, сэр. Он прекрасно на вас выглядит.

— Может быть, он выглядит прекрасно, — сказал Бенсон, — но он ужасно жмет. В плечах так и режет.

— Так наденьте штаны, — сказал Крантц. — Они такие узкие, что вы о плечах больше не вспомните!

То, что вы называете счастьем, — только дело относительности. То, что называют счастьем будды, — нечто абсолютное. Ваше счастье — относительное явление. То, что называют счастьем будды, — нечто абсолютное, не связанное ни с кем другим. Оно не определяется сравнением ни с кем другим; оно — просто ваше, оно принадлежит внутреннему.

В американской конституции содержится очень глупая идея. В ней говорится, что преследование счастья — это врожденное право человека. Люди, писавшие эту конституцию, не имели понятия о том, что пишут. Если преследование счастья — врожденное право человечества, тогда что можно сказать о несчастье? Чьим врожденным правом является несчастье? Эти люди совершенно не осознавали, что если вы просите счастья, то в то же самое время просите и несчастья; и неважно, знаете вы это или нет.

Я называю это глупостью, потому что никто не может преследовать счастье, и если вы преследуете счастье, определено одно: вы его не получите. *Счастье — это всегда побочное следствие. Это не результат прямого преследования. Оно происходит, когда вы даже о нем не думаете,* — что говорить о преследовании? Оно происходит внезапно, из ниоткуда. Вы были заняты чем-то совершенно другим.

Может быть, вы рубили дрова — безусловно, это не преследование счастья: рубить дрова — но под солнцем раннего утра, когда все еще прохладно, стук топора, врезающегося в дерево... Щепки летят во все стороны и производят звук, оставляющий за собой тишину... Вы покрываетесь потом, и прохладный ветерок приносит вам чувство еще большей прохлады... Внезапно — счастье, неудержимая радость. Но вы просто рубили дрова — и рубку дров вряд ли стоит вносить в конституцию как занятие, являющееся врожденным правом человека, потому что, сколько занятий придется тогда в нее включить?..

Я не могу забыть один день... Есть некоторые вещи, которые не имеют никакого логического смысла или значения, но почему-то продолжают витать в памяти. Невозможно понять, по какой причине это происходит, потому что с тех пор случилось миллионы вещей, гораздо более важных, гораздо более значительных, и все они исчезли. Но некоторые незначительные вещи — нельзя найти тому никакой причины, но они сохранились в памяти; они оставили за собой след.

Одну из таких вещей я помню. Я шел домой из школы — моя школа была почти в миле от дома. Как раз на полпути росло огромное дерево бо. Я проходил мимо этого дерева бо каждый день, по меньшей мере, четыре раза: по пути в школу, затем в середине дня по пути домой на обед, затем снова по пути в школу, затем снова возвращаясь домой. Тысячи раз я проходил мимо этого дерева, но в тот день что-то случилось.

День был жаркий, и, приближаясь к этому дереву, я вспотел. Мой путь проходил под деревом, и там было так прохладно, что без всякой особенной мысли я ненадолго остановился, сам не зная почему. Я просто приблизился к стволу дерева, сел и ощутил ствол дерева. Я не могу

объяснить, что произошло, но я почувствовал себя таким безбрежно счастливым, словно между деревом и мной что-то передалось. Сама прохлада не могла быть причиной, потому что много раз, вспотев от жары, я по пути оказывался в тени этого дерева. Я останавливался и раньше, но никогда раньше я не приближался и не касался этого дерева, не сидел рядом с ним так, словно встретился со старым другом.

Этот миг для меня остается сияющим как звезда. В моей жизни случилось столько событий, но я не вижу, чтобы этот миг хоть сколько-нибудь уменьшился в своей важности: он по-прежнему со мной. Каждый раз, когда я оглядываюсь назад, он по-прежнему со мной. И как в тот день я не осознавал ясно, что именно случилось, так не могу сказать и теперь — но что-то случилось. И с того дня между мной и этим деревом возникло определенное родство, которого я никогда не чувствовал прежде, не чувствовал даже с человеческим существом. Это дерево стало мне ближе, чем кто-либо другой на свете. Это вошло в обыкновение: каждый раз, проходя мимо, я садился рядом с ним на несколько секунд, или несколько минут, и просто его чувствовал. Я по-прежнему это вижу — что-то между нами продолжало расти.

В тот день, когда я оставил школу и переехал в другой город, чтобы поступить в университет, я попрощался с отцом, с матерью, с дядями и всей семьей без слез. Я никогда не был человеком, который легко начинает рыдать и плакать. Но в тот же самый день, прощаясь с этим деревом бо, я заплакал. Эта точка в памяти остается очень яркой. И пока я плакал, я был абсолютно уверен, что слезы были на глазах и у этого дерева бо, хотя я и не видел глаз дерева и не мог видеть слез. Но я мог чувствовать — касаясь дерева, я чувствовал его грусть, чувствовал его прощальное благословение. И действительно, это была наша последняя встреча, потому что, когда я вернулся через год, по какой-то дурацкой причине это дерево срубили, и его не стало.

Дурацкой причиной явилось то, что на этом месте — а это был самый красивый участок в центре города — строили небольшой мемориальный столб. Это делалось ради одного идиота, который был достаточно богат, чтобы побеждать на всех выборах и стать президентом муниципального комитета. Он пробыл президентом, по меньшей мере, тридцать пять лет — самое долгое время, которое кто-либо в этом городе занимал президентский пост. И все были так довольны его президентством, потому что он был таким идиотом; каждый мог делать, что ему угодно, и он ни во что не вмешивался. Можно было построить дом прямо посреди дороги, он об этом не беспокоился, лишь бы только за него голосовали. Поэтому весь город был им доволен — потому что у каждого было столько свободы. Муниципальный комитет, его члены, служащие и старшие служащие — все они были им довольны. Всем хотелось, чтобы он оставался президентом вечно; но, к счастью, даже идиоты однажды умирают. Однако смерть этого идиота явилась несчастьем, потому что пришлось искать место, чтобы воздвигнуть ему памятник, и из-за этого было уничтожено дерево бо. Теперь на месте живого дерева стоит этот кусок мрамора.

Преследование счастья — дело невозможное. Если вы просмотрите собственный опыт и выберете те мгновения, когда вы были счастливы, — которые неизбежно будет очень редки: может быть, в семидесятилетней жизни вы найдете семь мгновений, которые сможете предъявить как счастливые... Но даже если с вами случилось хотя бы одно мгновение счастья, можно сказать определенно и без всяких исключений — счастье случилось, когда вы его не искали.

Попытайтесь искать счастье — и будьте уверены, что вы его упустите.

Я не согласен с Иисусом Христом по многим пунктам, даже в тех вопросах, которые выглядят очень невинными, и кажется, что я к нему недостаточно добр. Иисус говорит: «Ищите, и найдете. Просите, и вам будет дано. Стучите, и двери откроются перед вами». Но я не могу с этим согласиться.

Те дураки, которые написали американскую конституцию, безусловно, находились под

влиянием Иисуса Христа, как же иначе? — все они были христианами. Когда они говорили о «преследовании счастья», то, наверное, сознательно или нет, подразумевали изречение Иисуса: «Ищите, и найдете». Но я вам говорю: ищите, и можете быть уверены, что никогда ничего не найдете. Не ищите — и все здесь.

Просто перестаньте искать, и вы нашли — потому что поиски означают усилия ума, не поиск означает состояние расслабления. А счастье возможно только в расслаблении.

Ищущий не расслаблен. Как он может быть расслабленным? Он не может позволить себе расслабления. Вы удивитесь, если оглянетесь вокруг и посмотрите на мир: вы найдете, что в людях более бедных стран больше удовлетворенности. Да, даже в Эфиопии, где люди умирают от голода, вы найдете, что люди умирают, но не найдете ни страдания, ни тоски. Наибольшее число несчастных людей вы найдете в Америке. Странное дело. В Америке преследование счастья — это врожденное право. Ни в одной другой конституции мира ничего подобного не упоминается.

Эта американская конституция абсолютно безумна: «преследование счастья»? — никто никогда не достигал в этом успеха, и те, кто пытался, становились очень несчастливыми, и их жизнь была полна страдания.

Счастье *случается*. Может быть, именно поэтому люди и называли его счастьем: оно *случается*. Нельзя его организовать, нельзя его выработать, нельзя его устроить. Счастье — это нечто за пределами ваших усилий за пределами вас самих. Но, копая яму в саду, если вы полностью этим поглощены, если весь мир забыт, включая вас самих, — вот оно.

Счастье всегда с вами. Оно не имеет ничего общего с погодой, оно не имеет ничего общего с рубкой дров, оно не имеет ничего общего с рытьем ямы в саду. Счастье не имеет ни к чему никакого отношения. Это просто неожиданное, расслабленное, непринужденное состояние вашего бытия с существованием, и оно остается с вами; оно не приходит и не уходит. Оно всегда есть, точно так, как ваше дыхание, биение сердца, обращение крови в теле. Счастье есть всегда, но если вы станете его искать, то найдете несчастье. Вы упустите счастье в самих поисках — а именно это и есть несчастье: отсутствие счастья. Несчастье определенным образом связано — состоит в партнерстве — с преследованием. Если вы «преследуете», то настигнете несчастье. А американская конституция внушила всем американцам идею, что одни должны «преследовать».

И они отчаянно преследуют — деньги, власть, религию — и мечутся по всему миру в поисках кого-то, кто научил бы их, как найти счастье.

На самом деле нужно просто вернуться домой, и перестать об этом думать. Делайте что-то другое, что не имеет ничего общего со счастьем. Рисуйте. Необязательно учиться живописи; почему нельзя просто разбрасывать краски по холсту? Это может любой ребенок. Просто бросайте краски на холст, и, может быть, вы будете удивлены: вы не художник, но происходит что-то красивое. Сами краски смешиваются определенным образом и создают что-то, что вы не можете назвать.

Современные картины не имеют названий, а многие картины — даже рам, потому что в существовании рам нет. Если вы смотрите из окна, то видите небо в раме, но рама существует в окне, не в небе; у неба нет никакой рамы. Поэтому есть художники, которые не рисуют даже на холсте; они рисуют на стенах, на полах, на потолке. Станные места — но я вижу их прозрение. Они заинтересованы не в том, чтобы создать картину; они более заинтересованы в том, чтобы вовлечься в само действие создания. Это делается не для продажи. Как вы можете продать свой потолок, и кто его купит? Но пока они настолько поглощены, из какого-то неведомого места что-то начинает проскальзывать в их существо. Они начинают чувствовать себя радостными, совершенно без причины.

Именно поэтому я осуждаю идею преследования. Кто бы ни был тот, кто вписал в

конституцию эти слова о преследовании, я могу о нем сказать, не зная его имени, не зная о нем ничего, что, наверное, он был абсолютно несчастливым человеком. Он никогда не знал счастья. Он сам *преследовал*, потому он и попытался дать каждому американцу то самое врожденное право, которым воспользовался сам. И никто за триста лет не подверг это критике — хотя это так очевидно.

Поэт, художник, певец, танцор — да, изредка они достигают счастья. Но одна вещь всегда остается составляющей этого счастья: каждый раз, когда приходит счастье, *и* *х* нет. Преследующего нет, преследования нет.

Нижинский, один из самых значительных танцоров во всей истории мира... Что касается меня, я считаю его лучшим из всех танцоров, которых только создало человечество. Когда он танцевал, он был просто чудом. Иногда он прыгал так, что это противоречило гравитации; это было невозможно, научно невозможно. Такой долгий гигантский прыжок по законам гравитации абсолютно невозможен. Даже прыгуны в длину, участвующие в Олимпийских играх, — ничто в сравнении с Нижинским, когда прыгал он. И еще более чудесным было то, как он опускался на землю после прыжка: он летел плавно, как перо. Это еще более противоречит законам гравитации, потому что земное тяготение обычно притягивает вес человеческого тела тут же, немедленно. Вы бы просто шлепнулись и, может быть, даже поломали бы себе пару костей! Но он опускался на землю точно так, как падает с дерева осенний лист: медленно, лениво, без спешки, потому что торопиться некуда. Или еще лучше будет сказать: подобно перу, потому что лист падает на землю немного быстрее. Перо птицы — очень легкое, почти невесомое, оно летит, танцует. И точно таким образом спускался на землю Нижинский. Когда он приземлялся на сцену, не было даже звука. Его снова и снова спрашивали:

— Как вы это делаете?

— Не знаю, — говорил он. — Я пытался это делать намеренно, но каждый раз, как я пытался, этого не получалось. Чем более я пытался, тем яснее мне становилось, что это не что-то такое, что я могу устроить намеренно. Постепенно я осознал, что это получается, когда я не пытаюсь, когда я даже об этом не думаю. Когда нет даже меня самого, внезапно оказывается, что это получается, это происходит. И к тому времени, как я возвращаюсь, чтобы понять, как это произошло, его уже больше нет, оно уже ушло, и я снова на земле.

Вот этот человек знает, что преследовать счастье нельзя. Если бы Нижинский также входил в комитет, составлявший конституцию Америки, он возразил бы и сказал, что преследование — абсолютно неправильное слово. Просто скажите, что врожденное право каждого — счастье, не его преследование. Это не ситуация охотника, преследующего дичь. В противном случае всю жизнь вы проведете в преследовании, гонясь за тенью, и никогда ничего не достигнете. В этой пустой растрате вся жизнь пройдет мимо вас.

Но эта идея вошла в американский ум, и в каждой из сфер жизни: будь то политика, бизнес или религия, — люди преследуют. Американцы всегда остаются в движении, и в движении быстром, потому что если уж двигаться, то почему не двигаться быстро? И не спрашивайте, куда, потому что никто этого не знает. Только одно ясно: они движутся с предельной скоростью, со всей скоростью, какую только способны поддерживать. Что еще нужно? Вы двигаетесь, и двигаетесь с предельной скоростью. Вы реализуете свое врожденное право.

Таким же образом люди перемещаются от одной женщины к другой, от другой к третьей; от одного мужчины к другому, от другого к третьему; от одного дела к другому, от одной работы к другой — и все это, в преследовании счастья. И — странное дело — всегда выглядит так, словно счастье уже здесь, и кто-то другой наслаждается счастьем, и вы начинаете его преследовать. Когда вы оказываетесь там, где, как вам казалось, вы должны были его найти, его там нет.

Трава по ту сторону забора всегда зеленее, но не прыгайте через забор, чтобы

посмотреть, действительно ли это так. Наслаждайтесь этим! Если она зеленее по ту сторону забора, наслаждайтесь этим. Зачем прыгать через заборы, руша все на своем пути, — ради того, чтобы найти, что там трава хуже вашей собственной?

Но люди гонятся за всем, думая, что, может быть, это даст им то, чего им не доставало.

Ничто не поможет. Вы можете жить во дворце, но будете настолько же несчастны, а может быть, еще более чем были в своей старой хижине. В старой хижине, по крайней мере, было то утешение, что вы несчастны, потому что живете в старой, прогнившей хижине. Был предлог; вы могли рационально обосновать свою скупость, свое страдание, свое несчастье. Кроме того, была надежда, что однажды вам удастся приобрести дом, который будет лучше, — если не дворец, то хотя бы хороший, красивый, небольшой дом, который будет вашим собственным.

Именно эта надежда поддерживает в людях жизнь, и именно их предлоги и обоснования позволяют им снова и снова продолжать пытаться. Философией Америки стало: «Пытаться, пытаться и еще раз пытаться». Но есть некоторые вещи, которые недостижимы в пределах царства попыток, происходящие, только когда вы совершенно прекращаете пытаться. Вы просто садитесь и говорите: «С меня довольно — я не собираюсь пытаться».

Именно так с Гаутамой Буддой случилось просветление.

Наверное, он был первым американцем, потому что занимался преследованием счастья. Ради этого преследования он отбросил свое королевство. Он был первопроходцем во многом; он был первым бунтарем. Ваши хиппи отбросили не так уж много. Чтобы что-то отбросить, сначала вы должны это иметь. Он имел, и имел больше, чем какой-либо другой человек. Будда был окружен всеми красивыми женщинами королевства, поэтому ни одно желание не осталось неудовлетворенным: у него была лучшая еда, сотни слуг, огромные сады.

Будда сказал: «Я отрекаюсь от всего этого. Я не нашел здесь счастья. Я буду его искать, я буду его преследовать, я сделаю все необходимое, чтобы найти счастье».

И в течение шести лет Будда делал все, что только в человеческих силах. Он приходил ко всем возможным учителям, мастерам, ученым, мудрецам, пророкам, святым. А в Индии этих людей так много, что за ними не нужно далеко ходить; просто идите куда угодно, и вы их встретите. Они всюду вокруг; если вы их не ищете, они будут искать вас сами. А во времена Будды эта ситуация была в самой кульминационной точке. Но прошло шесть лет безмерных усилий — аскетических практик, постов и упражнений йоги — и ничего не случилось. И однажды...

Ниранджана — это небольшая речка, не очень глубокая. Будда совершал посты, выполнял аскетические практики и всевозможными способами истязал себя, и он так ослабел, что когда он пришел к Ниранджане, чтобы совершить омовение, то не смог пересечь реку. Река была маленькая, но он был так слаб, что лишь с большим трудом ему удалось, удерживаясь за свисавший с берега корень дерева, удерживаться на месте; иначе его унесло бы течением. Пока он держался за этот корень, его осенила идея: «Все эти мудрецы говорят, что существование подобно океану. Если существование — океан, значит, все, что я делаю, неправильно, потому что, если я не могу пересечь даже эту речушку, Ниранджану, как мне пересечь океан существования? Все, что я делал до сих пор, было просто пустой растратой времени, жизни, энергии, тела». Каким-то образом ему удалось выбраться из реки, и он отбросил все усилия и сел под деревом.

Тем вечером — а это было в ночь полнолуния — впервые за шесть лет он спал хорошо, потому что завтра ничего не нужно было делать, никуда не нужно было идти. Завтра не нужно было даже просыпаться рано, до восхода солнца: никаких практик, никаких упражнений. Следующим утром он мог спать сколько хотел. Впервые он почувствовал полную свободу от всех усилий, от поисков, стремления, преследования.

Конечно, он спал в безмерном расслаблении, и утром, когда он открыл глаза, исчезала последняя звезда. И говорят, с исчезновением последней звезды исчез и Будда. Целая ночь покоя, мира, без будущего, без цели, без ничего, что нужно делать... впервые он перестал быть американцем. Спокойно лежа, не торопясь даже встать, он просто увидел, что все эти шесть лет были похожи на кошмарный сон. Но это было в прошлом. Звезда исчезла, и с нею исчез Сиддхартха.

Это был опыт блаженства, истины; трансценденции, всего, что он искал, но упускал из-за самих поисков. Даже буддисты не могут понять значения этой истории. Это самая важная история в жизни Гаутамы Будды. Ничто другое с нею несравнимо.

Но вы удивитесь... Я не буддист, я не согласен с Буддой в тысяче и одном вопросе, но я — единственный за двадцать пять веков человек, подчеркнувший в особенности эту историю и сделавший ее центральным фокусом, потому что именно так случилось пробуждение Будды. Но буддистские священники и монахи не могут даже рассказывать эту историю, потому что, если рассказывать эту историю, какая у них останется цель? Что они делают? Чему они учат, каким упражнениям, каким молитвам? Естественно, если рассказывать эту историю — что это случилось, когда Будда прекратил заниматься всякой религиозной ерундой, — тогда люди скажут: «Зачем же тогда вы нас учите заниматься этой религиозной ерундой? Лишь для того, чтобы однажды ее отбросить? И если, в конце концов, нам все равно придется ее отбросить, зачем тогда вообще начинать?»

Переубедить этих священников трудно; это разрушило бы весь их бизнес и всю их профессию.

Точно таким же образом изливается блаженство. Точно таким же образом изливается истина. Нужно лишь сидеть, ничего не делая, ожидая — ожидая не Годо, но, только ожидая; ожидая не чего-либо в частности, но, просто ожидая, оставаясь в состоянии ожидания, — и это случается.

И поскольку это *случается*, абсолютно правильно называть это «счастьем».

Человек живет в несчастье, жил в несчастье веками. Мало найдется человеческих существ, которые не несчастны. Это бывает так редко, что кажется почти невероятным. Именно поэтому люди не верят, что подобные Будде человеческие существа вообще когда-либо существовали. Люди не могут в это поверить — не могут поверить потому, что сами так несчастны. Их несчастье так велико, и они так глубоко в нем увязли, что не видят никакой возможности из него выбраться.

Люди думают, что будды, наверное, были вымышлены, что подобные Гаутаме Будде люди человечеству пригрезились. Именно это говорит Зигмунд Фрейд: подобные Будде люди — «выдавание желаемого за действительное». Мы сами хотим быть такими, хотим выбраться из страдания, хотим обладать таким же безмолвием, таким же миром, таким же благословением — но этого не случилось. И Фрейд говорит, что надежды нет; этого *не может* случиться по самой природе вещей. Человек не может стать счастливым.

Фрейда следует слушать очень внимательно и очень глубоко; его мнение нельзя просто отмести. Он был одним из самых проницательных умов, которые только существовали, и когда он говорит, что счастье невозможно, когда он говорит, что надеяться на счастье — значит, надеяться на невозможное, — он знает, что говорит. Это не заключение философа. К этому заключению его привели собственные наблюдения человеческого несчастья. Фрейд не был пессимистом, но, наблюдая тысячи человеческих существ, проникая глубже и глубже в их психику, он осознал, что человек так устроен, что в нем есть встроенный механизм, создающий несчастное существование. Самое большее, человек может жить комфортно, но никогда — не в

экстазе. Самое большее, мы можем сделать жизнь немного более удобной — при помощи научных технологий, посредством социальных перемен, улучшения экономических условий и прочих вещей — но человек все равно будет оставаться несчастным. Как может Фрейд поверить, что такой человек, как Будда, вообще существовал? Такая безмятежность кажется просто мечтой; Будда пригрезился человечеству, как сон.

Эта идея возникает потому, что Будда так редок, так исключителен. Он не принадлежит общему правилу.

Почему человек остается в таком несчастье? Чудо в том, что каждый *хочет* быть счастливым. Не найдется ни единого человека, который *хочет* быть несчастным, и все же каждый живет в несчастье. Каждый хочет быть счастливым, блаженным, мирным, тихим. Каждый хочет быть в радости, каждый хочет праздновать — но это кажется невозможным. Наверное, должна быть какая-то очень глубокая причина, настолько глубокая, что фрейдистский анализ не смог ее достичь, настолько глубокая, что в нее не смогла проникнуть логика.

Нужно понять одну из основ. Человек хочет счастья; именно поэтому он несчастен. Чем более вы хотите быть счастливыми, тем более становитесь несчастными. Это кажется очень абсурдным, но именно в этом состоит коренная причина. И если вы поймете процесс функционирования человеческого ума, то сможете ее осознать.

Человек стремится быть счастливым; тем самым он создает страдание. Если вы хотите выбраться из страдания, вам придется выбраться из собственного стремления к счастью — и тогда никто не сможет сделать вас несчастным. Именно это просмотрел Фрейд. Он не смог понять, что причиной несчастья может быть само стремление к счастью.

Как это происходит? Почему вообще вы стремитесь к счастью? И что вам приносит это стремление к счастью?

Начиная стремиться к счастью, вы в то же мгновение уходите прочь из настоящего, уходите прочь из экзистенциального, вы уже переместились в будущее — которого нигде нет, которое еще не пришло. Вы переместились в сновидения, а сновидения никогда не могут принести осуществленности. Ваше стремление к счастью — это сновидение, а сновидение нереально. При помощи нереального, никому никогда не удавалось достичь реального. Вы сели не в тот поезд.

Стремление к счастью просто показывает, что в это самое мгновение вы не счастливы. Стремление к счастью просто показывает, что вы — несчастное существо. А несчастное существо проецирует жизнь в будущее, воображает, что однажды — в тот или иной день, тем или иным образом — оно будет счастливо. Ваша проекция исходит из страдания; она несет в себе сами семена страдания. Она исходит из вас, она не может быть отличной от вас. Это словно ваш ребенок — ее лицо похоже на ваше; ее кровь течет в ваших жилах. Она будет продолжением вас.

Сегодня вы несчастливы. Вы создаете проекцию, воображаете, что будете счастливы завтра, но завтра — это проекция вас и всего того, какие вы сегодня. Вы несчастливы — завтра возникнет из этого несчастья, и вы будете еще более несчастливы. Конечно, из большего несчастья вы снова пожелаете большего счастья в будущем. Теперь вы пойманы в ловушку порочного круга: чем более несчастными вы становитесь, тем более желаете счастья; чем более вы желаете счастья, тем более становитесь несчастными. Так собака гонится за собственным хвостом.

В дзэн для этого есть определенное название. Люди дзэн говорят, что это все равно, что стегать кнутом повозку. Если ваши лошади не движутся, а вы продолжаете погонять повозку, это не поможет. Вы несчастны, и тогда все, о чем вы можете мечтать, все, что вы можете спроецировать, только принесет еще большее страдание.

Поэтому первое, что нужно сделать, — это прекратить создавать сновидения, прекратить

проецировать. Первое, что нужно сделать, — это быть здесь и сейчас. Что бы ни происходило, просто будьте здесь и сейчас — и вас ожидает великое откровение.

Это откровение состоит в том, что никто не может быть несчастлив в Здесь-и-Сейчас.

Были ли вы когда-нибудь несчастны здесь и сейчас? В это самое мгновение — есть ли какая-нибудь возможность быть несчастливым *прямо сейчас*? Вы можете подумать о вчерашнем дне и стать несчастливыми. Вы можете подумать о завтрашнем дне и стать несчастливыми. Но *прямо в это самое мгновение* — в это пульсирующее, трепещущее, реальное мгновение — можете ли вы быть несчастливым прямо сейчас? Без всякого прошлого, без всякого будущего?

Вы можете принести несчастье из прошлого, из памяти. Вчера кто-то вас оскорбил, и, может быть, вы все еще несете рану, может быть, вы все еще несете обиду, может быть, вы все еще чувствуете себя из-за этого несчастливыми: «Почему? — почему это случилось со мной? Почему этот человек меня оскорбил? Я сделал ему столько добра, я всегда ему помогал, всегда был другом, — а он меня оскорбил!» Вы играете с чем-то, чего больше нет. Вчера ушло безвозвратно.

Или же вы можете быть несчастливыми из-за завтрашнего дня. Завтра у вас кончатся деньги — где вы тогда будете жить? Что вы будете есть? Завтра у вас кончатся деньги! — теперь входит несчастье. Оно приходит либо из вчерашнего дня, либо из завтрашнего, но никогда оно не здесь и не сейчас. Прямо в это мгновение, в *сейчас*, несчастье невозможно.

Вот все, что вам нужно узнать, чтобы вы смогли стать Буддой. Тогда никто не преградит вам путь. Тогда вы можете забыть всех Фрейдов; тогда счастье не только возможно, но и уже случилось. Оно — прямо перед вами, и вы его не видите, потому что продолжаете смотреть по сторонам.

[Читать полный вариант книги](#)